Сакович, Е. Г. Оценка взаимоотношений СССР и стран «социалистического лагеря» (1956—1964 гг.) в англо-американской классической советологии / Е. Г. Сакович // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 223 – 227

Е. Г. Сакович

ОЦЕНКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ СССР И СТРАН «СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ» (1956—1964 гг.) В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ СОВЕТОЛОГИИ

Термин «классическая советология» появился в академических дискуссиях начала 1990-х гг. Распад СССР и связанные с этим события вызвали бурную полемику, породили разные оценки состояния науки, изучающей СССР, ее прошлого, настоящего и будущего. Часть исследователей оценивали состояние советологии как кризисное [10, с. 107—108]. Другие считали, что советология и изучение проблем коммунизма не должны повторить судьбу СССР. Но, чтобы избежать этого, западным исследователям следует вновь заняться экономическими, социальными и политическими выкладками, заново оценивая каждый период советского эксперимента от Октября до самой перестройки [10, с. 107—108]. Выступая в защиту советологии, М. Буравой писал: «Не вызывает сомнений тот факт, что распад Советского Союза разделил науку [советологию] на классическую и постсоветскую» [5, p. 75].

Выявление причин и направлений раскола «социалистического лагеря» (1956—1964 гг.) в англо-американской классической советологии. Изучение внешнеполитических связей по линии «СССР — страны социалистического лагеря» занимало одно из центральных мест в классической советологии. При рассмотрении советской политики по отношению к сателлитам в послесталинский период, англо-американские исследователи исходили из положений XX съезда КПСС. Среди ученых утвердилась точка зрения, согласно которой советское руководство на XX съезде КПСС выработало новые подходы, имевшие результатом изменение всей системы взаимоотношений [11, p. 553]. Обращаясь к проблеме исследования нового этапа межгосударственных связей, советологи подчеркивали, что назрела необходимость поиска новых моделей, так как теории советской внешней политики исчерпали свой эвристический потенциал [5, p. 142]. По мнению исследователей, существующие теории не соответствовали должному методологическому уровню, так как указывали на значимость какого-либо одного фактора (географического положения либо византийского и монголо-татарского наследия) в определении советского внешнеполитического поведения [5, p. 142]. Новая модель анализа советской внешней политики была предложена в 1958 г. профессором Калифорнийского университета Дж. Триска. По утверждению ученого, необходимо рассматривать как комплекс пяти компонентов: идеологии, стратегии, тактики, пропаганды и оперативного руководства по реализации внешнеполитических целей [18, p. 67]. Автор подчеркивал, что основная роль принадлежит идеологии, кризис которой, возникающий по определенным причинам, вызывает окончательную дестабилизацию всей системы [18, p. 67].

Классическим примером апелляции к «модели Триска» является исследование Б. Вульфа «Коммунистическая идеология и советская внешняя политика». Ученый, применяя данную модель для выявления причин кризиса в социалистическом лагере, последовательно отстаивал тезис о том, что «большевистская идеология с момента своего возникновения представляла собой своеобразную смесь догматизма и тактической гибкости» [19, p. 155]. С точки зрения автора, подобный тип идеологии не может существовать длительное время без изменений, которые могут вызвать различные факторы, в том числе и смену руководства страны. В последнем случае, как указывал исследователь, «...действия старых местных группировок,

Сакович Екатерина Георгиевна — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета

и ответ на эти действия со стороны нового руководства настоятельно разрушают идеологические основы коммунизма» [19, p. 158]. Проанализировав механизм возникновения кризиса коммунистической идеологии, Б. Вульф пришел к выводу, что события 1956 г. в Польше и Венгрии, а также советско-китайские разногласия явились ответом на эрозию коммунистической идеологии. Фундамент, на котором основывались отношения по линии «СССР — страны социалистического лагеря», оказался в состоянии нестабильности [19, p. 158].

При выявлении причин, вызвавших недовольство внутри социалистического лагеря, ученые апеллировали к работам Дж. Триска и Б. Вульфа. Согласно утверждению Дж. Биллингтона, З. Бжезинского, события в Польше и Венгрии в 1956 г. свидетельствовали о том, что «кризис коммунистической идеологии оказался настолько глубок и обширен, что у нового советского руководства не оказалось долгосрочной программы развития отношений со своими социалистическими сателлитами». Более того, сам процесс выработки решений по ряду проблем часто имел противоречивый характер. В силу этих причин советские действия не всегда представляли адекватную реакцию на уже свершившиеся события [1, p. 35].

К середине 1960-х гг. советологи были вынуждены констатировать тот факт, что социалистический лагерь ни в идеологическом, ни в территориальном плане не представлял единого целого. Весьма частыми являлись утверждения о том, что кризис настолько глубок, что едва ли возможно восстановление прежнего относительного единства [2, p. 557]. В итоге ученые отмечали, что начался «тяжелый и сложный процесс исчезновения коммунизма как явления, имеющего универсальный, единый и экспансионистский характер» [2, p. 565].

В ходе продолжительных дискуссий в академических кругах так и не было выработано единого мнения на проблему определения основных векторов раскола социалистического лагеря. Один из вариантов был предложен З. Бжезинским в исследовании «Опасность и возможность в период коммунистической смуты». Автор утверждал, что «социалистический лагерь на сегодняшний день не представляет собой единого целого. Его поразила глубокая эрозия» [3, p. 513]. Ученый заявлял, что основной вектор раскола прошел по линии «СССР — Китай». В итоге сформировалось два противоположных крыла. Первый — «ортодоксальный международный коммунизм» во главе с Мао Цзэдуном, второй — «ревизионистский международный коммунизм» во главе с Н. С. Хрущевым [3, p. 513]. Исследуя процесс появления двух противоположных частей в социалистическом лагере, ученый утверждал, что «ревизионистский международный коммунизм Хрущева представляет собой в некоторой степени модифицированный вариант коммунистической идеологии в результате XX съезда КПСС, а ортодоксальный Мао Цзэдуна представляет тот вариант коммунизма, который возник как реакция на модифицированный вариант хрущевского» [3, p. 517]. З. Бжезинский, рассматривая соотношение двух частей, писал, что «ревизионистский» коммунизм представляет большую опасность, нежели «ортодоксальный», в силу того что «базируется на мощном военном потенциале и отражает интенсивные национальные амбиции» [3, p. 517].

На аргументы раскола социалистического лагеря по линии «СССР — Китай» как об осевой имелись весьма обоснованные контраргументы. В силу того что решающим фактором раскола по направлению «СССР — Китай» был признан кризис коммунистической идеологии, некоторые советологи (Б. Морис, П. Шоуп) предложили альтернативные варианты причин, приведших к состоянию нестабильности. П. Шоуп отмечал, что кризис коммунистической идеологии в СССР следует рассматривать лишь «как фактор, ускоривший процесс, назревавший в социалистическом лагере со времени его основания» [17, p. 887].

Исследователи, анализируя причины, вызвавшие дестабилизацию, предложили свой вариант векторов, по которым прошел раскол. Б. Морис полагал, что линий раскола в социалистическом лагере одновременно было несколько. Первая отделила Югославию от соцлагеря, вторая — Китай. Рассуждая о направлении линии раскола, ученый утверждал, что Китай и Югославия, в отличие от остальных восточноевропейских сателлитов, «имели исто-

рически сложившиеся предпосылки для разрыва с СССР, так как национализм и в Китае, и в Югославии всегда имел сильные позиции» [12, p. 137]. На фоне общего кризиса идеологии коммунизма Китай заметно активизировал действия, направленные на разрыв с СССР [12, p. 137]. Югославский национализм, согласно утверждению П. Шоупа, в отличие от национализма Польши или Венгрии, также имел глубокие исторические корни. Предлагая классическую форму «перехода» национализма в «национальный коммунизм» (рост национального самосознания, требование независимости в международной сфере, требование формирования независимого государства), автор отмечал, что Югославия успешно прошла все три стадии. В итоге новое советское руководство во главе с Н. С. Хрущевым вынуждено было признать «особый путь развития социализма» в Югославии [17, p. 895]. По точному замечанию автора, рост национализма в Китае и Югославии способствовал тому, что «на восточном фланге социалистического лагеря откололась Югославия, на западном — Китай» [17, p. 895].

Дж. Гросс, С. Мастерс акцентировали внимание на том, что разногласия начались еще во время пребывания у власти И. В. Сталина. Согласно утверждению Дж. Гросса, социалистический лагерь находился в состоянии перманентного кризиса, начавшегося еще при И. В. Сталине и возродившегося с новой силой при Н. С. Хрущеве [6, p. 265]. Автор для характеристики типа взаимоотношений предлагал применять такое определение, как «имперский тип» [7, p. 272]. Рассматривая механизм возникновения кризиса, Дж. Гросс отмечал, что Советский Союз, как любая другая империя, оказался не в состоянии продолжительное время сдерживать процессы стремительного роста национализма на «окраинах» [7, p. 272].

Анализ кризисных процессов в странах «социалистического лагеря» (1956—1964 гг.) в англо-американской классической советологии. К началу 1970-х гг. в англо-американской советологии произошла смена приоритетов в исследовании процессов, происходивших в послесталинский период в социалистических странах. В отличие от предыдущего периода исследование проблемы велось в иных измерениях. Во-первых, перед учеными стояла задача поиска новых методологических подходов, способных объяснить универсальность или различие в проявлении кризисных явлений. Во-вторых, проблемным выглядел вопрос определения масштабов изменения в послесталинский период. В изучении указанных процессов эвристический потенциал «модели Триска» оказался достаточно ограниченным. Новой теорией, соответствующей требованиям советологов, стала «теория конвергенции».

Научные поиски исследователей в рамках новой теории были сконцентрированы на вопросах выявления тождественности в процессах, происходивших в ряде социалистических стран. В англо-американских академических кругах весьма частыми являлись утверждения о том, что кризисы, имевшие место в период с 1956 по 1968 г., протекали с одинаковой степенью сложности и в итоге привели к окончательному распаду социалистической системы [15, p. 421]. Адепты «теории конвергенции» выводили ее начало из компаративного подхода, широко применявшегося в англо-американской советологии начиная с 1960-х гг. З. Бжезинским и С. Хантингтоном [15, p. 412]. В исследовании, посвященном сравнительному изучению советской тоталитарной и американской демократической систем, авторы утверждали, что для того, чтобы показать, насколько различия между двумя этими системами огромны, следует сравнить их в «региональной перспективе» [4, p. 431]. Ученые предлагали обосновать «сходство» политической системы США и ряда государств Западной Европы, с одной стороны, и СССР и стран социалистического лагеря, с другой [4, p. 431].

Дальнейшее развитие теории, подчеркивавшей значимость «сходства», однотипности процессов в различных региональных системах, состоялось в начале 1970-х гг., когда А. Мейер издал работу «Теории конвергенции». Акцентируя внимание на плюралистической природе «теории конвергенции», автор утверждал, что теория существует, как минимум, в трех вариантах: 1) обоснование «сходства» в политических системах между демократическими государствами; 2) наличие «сходства» в политических системах коммунистических стран; 3) на-

личие «сходства» в политических процессах в период кризиса в коммунистических или демократических государствах. Именно третий вариант теории конвергенции А. Мейер предлагал применять при исследовании процессов, происходивших в социалистическом лагере в послесталинский период [11, p. 337]. Классическим примером использования данной теории является исследование Д. Нельсона «Политическая конвергенция. Эмпирическое исследование». Автор акцентировал внимание на том, что изменения, происходившие в послесталинский период в ряде стран социалистического лагеря, следует рассматривать как кризис «тоталитарной системы» и начало движения соцстран по направлению к плюрализму, национализму и легитимности» [15, p. 416]. На его взгляд, «плюрализм, национализм и легитимность» — три основополагающих принципа, характеризующих политические процессы, имевшие место в период с 1956 по 1968 г. в ГДР, Польше, Венгрии и Чехословакии [15, p. 416].

Апеллируя к точке зрения Д. Нельсона, К. Джонс писал, что «процесс политической автономии, имевший место в ряде восточноевропейских социалистических стран послесталинского десятилетия, протекал везде одинаково» [8, p. 217]. Ученый утверждал, что исследования в этой области должны вестись не в направлении выяснения «активности антисоветских выступлений в каждом восточноевропейском государстве, а в направлении оценки их результатов в процессе исследования проблемы углубления кризиса социалистической системы» [8, p. 239]. Англо-американскими советологами предпринимались также попытки оценить масштаб изменений. Например, Р. Канет и Дж. Робертсон полагали, что «постсталинский социалистический лагерь пережил два крупнейших этапа «кризисных состояний» — 1953—1961 гг. и 1962—1968 гг. [9, p. 321]. Исследователи отмечали, что для первого этапа характерно наличие «многочисленных попеременно сменяющих друг друга глубоких кризисов, для второго — «глубоких, но не многочисленных кризисов» [9, p. 321]. С их точки зрения, принимая во внимание происходившие процессы, следует отметить, что «локальные кризисы с течением времени привели к глубокой дестабилизации всей системы» [9, p. 321].

В силу того, что «теория конвергенции» была направлена на исследование кризисных процессов в основном в «восточноевропейской части социалистического лагеря», она не могла претендовать на монопольное положение. Дж. Ди Пальма полагал, что «с течением времени для англо-американских советологов стало вполне понятным, что в исследовании социалистических кризисов, имевших место в период с 1956 по 1989 г., уже существующая «теория конвергенции» и новая «теория деволюции» (регрессивного развития), взятые в комплексе, способны всесторонне охватить целый ряд вопросов» [16, p. 51]. Тем не менее в рамках классической советологии была только предложена идея совместного применения «теории конвергенции» и «деволюции», а реализация исследователями комплексного подхода осуществлялась в постсоветской советологии.

Подводя итог, следует отметить, что в англо-американской классической советологии одно из центральных мест занимала проблема развития отношений по линии «СССР — страны социалистического лагеря». Для анализа динамики взаимоотношений послесталинского периода исследователи применяли «модель Триска», использовавшейся в советологии с конца 1950-х гг. и до начала 1970-х гг., и «теорию конвергенции», пришедшей на смену «модели Триска» в начале 1970-х гг. и широко применявшейся при исследовании проблематики. На рубеже 1980—1990-х гг. учеными была предложена идея совместного использования теории «конвергенции» и «деволюции» в рассмотрении вопроса межгосударственных отношений, реализация которой успешно осуществлялась в постсоветской советологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Billington, J. H.* Force and Counterforce in Eastern Europe / J. H. Billington // Foreign Affairs. October 1968. Vol. 47. № 1. P. 27—35.

2. *Bowles, Ch.* Is Communist Ideology Becoming Irrelevant? / Ch. Bowles // Foreign Affairs. July 1963. Vol. 40. № 4. P. 552—565.

3. *Brzezinski, Z.* Threat and Opportunity in the Communist Schism / Z. Brzezinski // Foreign Affairs. August 1963. Vol. 41. № 3. P. 512—525.

4. *Brzezinski, Z.*, *Huntington S.* Political Power: USA/USSR / Z. Brzezinski, S. Huntington. New York : Viking Press, 1965. 461 p.

5. *Buravoy, M* From Sovietology to Comparative Political Economy / M. Buravoy // Beyond Soviet Studies. Washington: The Woodrow Wilson Center Press; Baltimore, Md.: Distributed by John Hopkins University Press 1995. P. 72—104.

6. *Glaser, W. A.* Theories of Soviet Foreign Policy: a Classification of the Literature / W. A. Glaser // World Affairs Quarterly. July 1956. Vol. 27. № 4. P. 128—152.

7. *Gross, G.* Communist Divided: Some Considerations for American Policy / G. Gross // The Russian Review.1969. Vol. 28. № 3. P. 265—277.

8. *Jones, C. D.* Soviet Hegemony in Eastern Europe: The Dynamics of Political Autonomy and Military Intervention / C. D. Jones // World Politics. January 1977. Vol. 24. № 2. P. 216—241.

9. *Kanet, R. E.* The Soviet Union and Eastern Europe / R. E. Kanet, J. D. Robertson // The Soviet Union since Stalin. Bloomington: Indiana University Press, 1980. P. 312—324.

10. *Малиа М.* Из-под глыб, но и что? Очерк истории западной советологии / М. Малиа // Отечественная история. 1997. № 5. С. 93—109.

11. *Meyer, A.* Theories of Convergence / A. Meyer // Change in Communist Systems / Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 313—358.

12. *Morris, B.* Soviet Policy toward National Communism: the Limits of Diversity / B. Morris // American Political Science Review. March 1959. Vol. 53. № 1. P. 128—137.

13. *Mosely, P. E.* Soviet Foreign Policy: New Goals or New Manners? / P. E. Mosely // Foreign Affairs. July 1956. Vol. 34. № 4. P. 540—553.

14. *Mosely, P. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin / P. E. Mosely // Foreign Affairs. October 1953. Vol. 32. № 1. P. 21—33.

15. *Nelson, D. N.* Political Convergence: an Empirical Assessment / D. N. Nelson // World Politics Affairs. April 1978. Vol. 30. № 3. P. 410—432.

16. *Palma, G. Di* Legitimation from the Top to Civil Society. Politico-Cultural Change in Eastern Europe / G. Di Palma // World Politics. October 1991. Vol. 44. № 1. P. 48—80.

17. *Shoup, P.* Communism, Nationalism and the Growth of the Communist Community of the Nations after World War II / P. Shoup // American Political Science Review. November 1962. Vol. 56. № 4. P. 886—898.

18. *Triska, J. F.* A Model for Study of Soviet Foreign Policy / J. F. Triska // American Political Science Review. March 1958. Vol. 52. № 1. P. 64—83.

19. *Wolfe, B. D.* Communist Ideology and Soviet Foreign Policy / B. D. Wolfe // Foreign Affairs. October 1962. Vol. 41. № 1. P. 152—170.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются основные модели, применяемые в «классической советологии» для анализа взаимоотношений между СССР и странами «социалистического лагеря» 1956—1964 гг. Проанализированы взгляды англо-американских авторов относительно причин разногласий, векторов раскола «социалистического лагеря», степени и масштаба кризисных явлений в соцстранах и сформулированы перспективные направления дальнейшего изучения.

SUMMARY

The article is devoted to the problem revealing of the basic models of foreign policy of the USSR in Anglo-America Sovietology of «Classical Period». By means of the above-stated theories and approaches Anglo-American researchers revealed the basic trajectories of relations of the USSR with socialist satellites. In the article the basic directions of research of the Soviet foreign policy in classical Anglo-American Sovietology are considered, and perspective directions of the further researches are formulated.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2010 г.